

2008 г. А.Б. Карпун

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Рассматривается феномен власти. Выделены структурные измерения власти: социальные, психологические, политические и др., а также основные ее уровни. С опорой на работы М. Фуко, Э. Канетти, Х. Арендта, П. Рикерта и др. анализируются проблемы взаимосвязи власти и насилия, власти и выживания, власти и желания, власти и смерти.

Существует классическая и постнеклассическая (в частности, постмодернистская) философская традиция толкования власти. Согласно классической философской и социологической парадигме власть представляет собой особое волевое отношение между людьми, когда одни люди воздействуют на других, принуждая поступать определенным образом. Это – способность человеческих волеизъявлений, которые реализуются в контексте заданных отношений побуждения и принуждения, управления и контроля, подчинения и соподчинения, координации и субординации, зависимости и независимости, т.е. всего того, что явно или неявно лежит в основе человеческих коммуникаций [1, с. 212]. Ни одно общество, в том числе тоталитарное, не может успешно функционировать, опираясь на механическую, автоматизированную покорность и послушание своих членов. Условием успешности и устойчивости власти является добровольное, сознательное желание людей подчиняться.

Существует ряд структурных измерений власти, отличающихся способом воздействия и принуждения. В социальном измерении власть представляет силовое отношение, которое выражает любое превосходство и доминирование. Психологическое измерение власти фиксирует отношение лидерства. Там, где власть предстает как порядок или уровень организации, можно говорить об организационном структурном ее измерении. Политическая власть есть совокупность механизмов, средств и способов, с помощью которых политические субъекты и, прежде всего государство, управляют, координируют, подчиняют интересы всех членов общества единой политической воле.

Феномен власти имеет ряд определений, связанных, главным образом, с понятиями господства и принуждения. Так, в «Толковом словаре русского языка» под властью понимается «право и возможность распоряжаться кем-либо, чем-либо, подчинять своей воле». Социологи дают более конкретные определения власти как «формы социальных отношений, характеризующейся способностью влиять на характер и направление деятельности и поведения людей, социальных групп и классов посредством экономических, идеологических и организационно-правовых механизмов, а также с помощью авторитета, традиции, насилия» [2, с. 29]. Однако, несмотря на неполноту данного определения, оно помогает выделить два основных уровня власти: *институциональный* и *неинституциональный*. В первом случае механизмы властного влияния на характер и направление деятельности и поведения людей, социальных групп и классов имеют четкую социальную оформленность. Здесь понятие власти проясняется через понятие государства, общества, социальных институтов. Во втором случае, когда в качестве механизмов властного воздействия выступают авторитет, традиция, насилие, такого типа оформленность или вообще отсутствует, или она выражена неявно, нестрога. В данном случае тема власти может быть рассмотрена как некое специфически организованное пространство, в котором действуют силы воздействия и принуждения. Эти силы могут иметь разную природу.

М. Фуко характеризовал неинституализированную власть как поле напряжения, создаваемое взаимодействием сил. Попавшие в это властное силовое поле индивиды должны обменивать свою волю и уникальность на встраивание в особые дисциплинарные практики, задача которых упорядочить и усреднить интенсивность их волеизъявления. На месте собственной воли «Я» как события разворачивается «совокупность материальных элементов техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношений власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела» [3, с. 43].

Согласно М. Фуко, власть не сводится к понятию господина: хозяин - раб, наставник - ученик, мастер - рабочий и т.д. В противном случае различные властные процедуры отождествляются с запрещающим законом. Сведение власти к запрету, считает М. Фуко, фиксирует только негативную сущность власти, базирующейся на праве. М. Фуко же убежден, что право - это и не истина, и не оправдание власти. Право - ее орудие. Автор ведет речь о власти не на языке права, а обращается к техникам и технологиям власти, что предполагает рассмотрение того, «как власть властвует и заставляет себе повиноваться». Главное в понимании власти М. Фуко - это протест против сведения власти только к господству или абсолютному преимуществу закона. Говоря о власти, мы поэтому и используем то расширительное определение, которое предлагает М. Фуко: «власть имманентна общественному телу»; «отношения власти впутаны в другие типы отношений (производственные, брачные, семейные, половые), где они играют одновременно определяющую и обуславливающую роль»; властные отношения «не следуют единственной модели запрета или наказания»; власть не сводится к бинарной структуре господствующие - подвластные, так как «надо учитывать многообразное производство отношений господства»; «власть всегда уже здесь, мы никогда не «снаружи», не существует никаких «обочин», где бы могли резвиться те, кто порвал с ней» [4, с. 309-319].

Идея М.Фуко о существовании микровластей позволила нам утверждать, что насилие, в отличие от традиции и авторитета, существует в любом обществе, являясь не только средством властного влияния, но и формой власти. Но понятия «насилие» и «власть» не тождественны по смыслу. Э. Канетти разводит их следующим образом: власть есть насилие, растянутое в пространстве и во времени, т.е. такое насилие, которое «считается с обстоятельствами и обладает даже некоторой долей терпения». Насилие же – это то, что «близко и прямо сейчас» [5, с. 304].

Более четко эту же мысль можно выразить следующим образом. Насилие появляется тогда, когда властные практики, упорядочивающие социальный порядок, дают сбой. «Ситуация насилия возникает тогда, когда в принципе необходимые для функционирования власти очаги сопротивления - точки силового поля, охваченного властными отношениями, - оказывают противодействие, проблематизирующее властные действия как таковые». В пространстве насилия сталкиваются силы, направленные прежде всего против тел. В такой ситуации слово больше не работает: требуется только «нанесение и принятие удара» [6, с. 150].

Иррациональность власти - один из главных мотивов постмодернистской философии. Так, вслед за Х. Арндт, экзистенциалисты, и прежде всего представитель религиозной феноменологическо-экзистенциальной философии П. Рикер, называют властью «общую силу, которая является результатом желания жить вместе и которая существует лишь до тех пор, пока действует это желание». Желание - это сфера, не подконтрольная полностью разуму. Оно включает эмоционально-чувственное бессознательное. Определив власть через желание, П. Рикер открывает возможность толковать власть не только в горизонте рационального действия (куда можно отнести и политическое, и экономическое, и т.д.) и познания, но и выделять в ней эмоционально-переживательную составляющую. Более того, в понятие власти включается при этом и вертикально-иерархическое, и горизонтальное измерение господства. Именно так следует понимать его определение государства, которое он дает вслед за Э. Вейлем. Государство – это «организация, благодаря кото-

рой историческое сообщество способно принимать решения», но, что для нас особенно важно, «это свойство решать» сочетает в себе, по мнению Рикера, «попеременно то рациональный, то иррациональный аспекты» [7, с. 47, 53]. К иррациональному компоненту «общей силы» (власти) и относятся возможности использовать эмоционально-переживательное содержание (как индивидуальное, так и коллективное) и воздействовать на него.

Желание жить сообща может реализоваться двумя способами: люди могут создать общины (наподобие первых христианских общин или современных кибуцы), что имеет место в истории человеческого общежития. Но наиболее утвердившийся способ жить сообща предполагает подчинение массы людей вождю, лидеру, правителю. Т. Гоббс описал ситуацию отчуждения прав в пользу определенной группы лиц - правителей в «Левиафане». Желание жить сообща, как правило, реализовывалось через подчинение (добровольное) властителю, который в традиционных обществах никем не избирался и не назначался. Право на власть не подпадало под аргументацию. Именно в этом контексте «работает» идея Э. Канетти, согласно которой одним из важнейших элементов власти является момент выживания того, кто объявит себя властью (или властителем).

Выживание напрямую связано со смертью и попытками ее избежать. «Обойти смерть, уклониться от нее - это древнейшее стремление всех властителей». «Беззубая с козой» пытается «схватить» и «увести» за собой в ино-небытие (неважно каких посредников она предпочитает), и тот, кто не дает себя «схватить-увести», тот получает преимущество, т.к. больше власти у того, кто не дает себя схватить» [8, с. 219]. Благодаря смерти власть существует и расцветает. Смерть - это то, чем «питается» власть, что служит главным стимулом и средством ее развертывания, усиления, самореализации. Не будь смерти, власти бы не существовало», - таково утверждение австрийского мыслителя Э. Канетти [8, с. 224]. Смерть усиливает власть выжившего, т.к., испытав ужас перед смертью, но оставшись жить, человек ощущает некий эмоциональный подъем, смысл которого Э. Канетти передает очень точно: «Мертв не ты, а другой. Он лежит, а ты стоишь» [8, с. 224]. Человек «выживший» как бы эмоционально-психологически готов признать свое право на власть над живущими. Так же относятся к нему и другие люди - свидетели его неуязвимости в смертельных ситуациях. Властелин - это неуязвимый для смерти, а неуязвимость - знак избранности, могущей претендовать на власть.

Существует как минимум два способа, которые при их реализации создают ощущение неуязвимости. Во-первых, необходимо отдалить от себя опасность, т.е. попытаться отгородить себя от возможной опасности огромными пространствами, которые легко просматриваются и охраняются. Это так называемый «параноидальный» способ утверждения власти. Во-вторых, можно встретиться с опасностью один-на-один, чтобы погибнуть или победить. Это - путь героя. Естественно, для авторитета власти второй путь предпочтительнее.

В ситуации выживания есть еще один серьезный момент, а именно - наслаждение выживанием. Победа в честной схватке лицом к лицу «дарит своеобразное наслаждение, охота за которым может стать опасной ненасытной страстью». «Каким-то образом человеку просто потому, что он живой, начинает казаться, что он лучший. Он защитил себя, поэтому он живет. Он один сумел защитить себя, поэтому все, кто лежат, мертвы. Кому выживание удастся часто - это герой. Он сильнее. В нем больше жизни. К нему благосклонны высшие силы» [8]. Другими словами, власть в традиционных обществах утверждается путем эмоционально-ценностного отношения к фигуре властителя; это отношение напрямую зависит от счастливой случайности многократно избежать смерти. В контексте культуры традиционных и абсолютистски-деспотических обществ фактор легитимизации власти не имеет смысла, т.к. господствует эмоционально-чувственное отношение к властителю, обозначаемое понятием «харизма».

А. Адлер также утверждает, что «типичный идеал нашего времени - это по-прежнему герой-одиночка, для которого окружающие выступают лишь в качестве объекта. Эта психологическая структура заставляет людей находить вкус даже в мировой войне, когда

они, удивляясь и одновременно ужасаясь, превозносят величие победоносных воинов». «Было бы грубой ошибкой рассматривать опьянение властью только как явление индивидуальной психики. Масса также руководствуется сходными целями, и их действие тем более разрушительно, поскольку чувство личной ответственности в массе существенно ослаблено» [9, с. 240].

Право распоряжаться жизнью и смертью других - одна из главных характеристик власти. Власть абсолютна до тех пор, пока она имеет право на убийство. Главной угрозой для всего живущего, естественно, выступает смерть, поэтому для поддержания и укрепления своей мощи власть может и должна иметь право распоряжаться жизнью и смертью, т.е. пользоваться своим правом карать смертью. Произнесенный властью «смертный приговор должен быть исполнен. Власть пытается убить даже выживших, т.е. тех, кто боролся за нее, но остался в живых. Это происходит в силу враждебности власти по отношению к выжившим, т.к. выживший «перетягивает» на себя часть триумфа власти, а значит, он опасен. Смертельная угроза, исходящая от правителя, будь то тиран в государстве или мафиозный «пахан», парализует волю подчиненных, подавляет ее через эмоциональное переживание этой угрозы. «Никто не умирает сам по себе (если кто-то умер, значит, он убит). Так же и история не убивает: убивает власть, которая всегда имеет конкретное лицо» [8].

Страх власти перед тем, что у нее отнимут право распоряжаться жизнью и смертью других, заставляет ее отгораживаться от подданных, что, по сути, выражает параноидальный тип власти. Этот страх проявляется в архитектуре (огромные дворцы, лабиринты залов и проходов), в месторасположении власти (чем сильнее страх, тем огромнее «мертвые» пространства вокруг ее обитания). Ведь какая бы ни устанавливалась форма правления в обществе и государстве, она обязательно должна выразиться во временном и пространственном эквиваленте, т.е. в дистанции между властью и миром, дистанции, которой простому «смертному» не преодолеть. Но ни на одно мгновение страх смерти не оставляет власть: «и во время приема пищи, и в момент жертвоприношения в честь богов. Когда приходит время развлечений, даже в минуты акта любви, в миг наивысшего напряжения страстей» власть не забывает «о смерти, опасаясь быть убитой», – писал еще Дион из Прусы [10]. Поэтому важную роль играет охрана, которая защищает властителя от возможной насильственной смерти, способствует его длительному выживанию. Огромная «армия» врачей, косметологов, имиджмейкеров работает над созданием облика властителя как сильного, здорового, выживающего в любых ситуациях человека.

Не случайно во всех тоталитарных режимах всеми силами продляют жизнь властителя. Его долголетие, даже в случае физической и умственной немощи, есть подтверждение и демонстрация избранности. История и историки, как известно, с большим пиететом вспоминают деяния правителей-долгожителей, чем рано и скоро умерших. «Известно, что первой общей временной мерой для больших групп была длительность жизни отдельного человека», – заявляет Э. Канетти [8], а это значит, что преждевременная, скорая смерть правителя всегда является окончанием какого-либо временного промежутка истории. И если сам властитель стремится избежать смерти по вполне понятным причинам, то и его *под-властные* ратуют за его долгожительство. В противном случае, т.е. со смертью правителя, наступает конец определенного времени, а это - безвременье и междуцарствие, что всегда отягощено смутами и беспокойством общественной жизни. Власть - это один из социальных институтов, который в основу своего существования сознательно ставит отношение к смерти. Смерть, являясь своего рода идеологией, есть инструмент, причем главный инструмент власти. В пространстве смерти разворачиваются битвы между основными носителями истории - массами и властью.

В современной *не-Традиции* счастливое многократное выживание перед лицом смерти начинает играть меньшую роль в утверждении властителя, хотя случаи убийства соперников-претендентов на ключевые посты (президентское кресло, место в парламенте и т.д.) остаются. Большой акцент в этой связи делается на преодолении страха перед смер-

тью (секьюрити, броневые автомобили, изоляция от массы и т.д.). В институционализации власти начинают преобладать симулякры смерти. Дело в том, что в обществе не-Традиции, смерть теряет все сакральные смыслы, что снижает социокультурную значимость феномена харизматичности фигуры властителя. Вступают в силу нормативные экспликации, аргументирующие легитимность власти того или иного лидера. Ситуация «выживания» претендента на власть в современном обществе обрела характер реальности второго уровня, о чем свидетельствуют фиктивные покушения, якобы «настоящие» убийства и т.д., которые, с одной стороны, имеют цель навести подозрения на конкурентов и дискредитировать их, а с другой - создают иллюзию избранности того или иного претендента на власть.

Современные исследования человеческой психики показали, что стремление к власти, к господству над другими, себе подобными, которое сопровождается всем набором негативных качеств и свойств, не является только врожденным и неизменным. Скорее эта тяга к власти и господству «прививается» детям с раннего возраста: ребенок воспринимает их из атмосферы, пропитанной жаждой власти. В нашей крови все еще есть тяга и опьянение властью...» [9].

Литература

1. *Матяш Д.В.* Статья «Власть» // *Философия. Краткий тематический словарь.* Ростов-на-Дону, 2001.
2. *Краткий словарь по социологии.* М., 1988.
3. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
4. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. М., 2002.
5. *Канетти Э.* Масса и власть. М., 1997.
6. *Осика Ю.Л.* Насилие: опыт тематизации за пределами микрофизики власти // *Революция и современность.* СПб., 2001.
7. *П.Рикер.* Герменевтика. Этика. Политика /Московские лекции и интервью / М., 1995.
8. *Канетти Э.* Масса и власть. М., 1997.
9. *Адлер А.* Наука жить // *Психология власти.* Киев, 1997.
10. *Антология кинизма.* М., 1994.